

Применение теории «path dependence» в исследовании институциональных преобразований в России

Матвеев А. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; matveevalexandr2009@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются возможности, предоставляемые теорией «path dependence» при исследовании институциональных преобразований. Автор описывает как применяется данная теория в различных отраслях научного знания. Описываются различные трактовки институциональных матриц, при помощи которых можно наиболее наглядно показать преемственность в институциональных преобразованиях. При помощи институциональных матриц проводится анализ институциональных преобразований в российском государстве с 90-х годов XX в. по настоящее время. На основании проведенного анализа автор приходит к выводу, что на процесс институциональных преобразований прежде всего влияет институциональная матрица, присущая государству, а также конфигурация акторов и выбираемые ими стратегии.

Ключевые слова: зависимость от предшествующего развития, институциональная матрица, трансплантация институтов, формальные институты, неформальные институты

Application of the Theory of “Path Dependence” In the Study of Institutional Transformations in Russia

Alexandr A. Matveev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation; matveevalexandr2009@yandex.ru

ABSTRACT

The article discusses the possibilities offered by the theory of “path dependence” in the study of institutional transformations. The author describes how this theory is applied in various branches of scientific knowledge. Various interpretations of institutional matrices are described, with the help of which one can most clearly demonstrate the continuity in institutional transformations. With the help of institutional matrices, an analysis of institutional changes in the Russian state from the 90s of the twentieth century to the present is carried out. Based on the analysis, the author concludes that the institutional transformation process is primarily influenced by the institutional matrix inherent in the state, as well as the configuration of the actors and the strategies chosen by them.

Keywords: path dependence, dependence on previous development, institutional matrix, transplantation of institutions, formal institutions, informal institutions

В последние годы в политической науке все чаще используется теория path dependence¹ как инструмент, дающий возможность объяснить трансформации институтов. Изначально теория path dependence концентрировалась на изучении технологических изменений. Основоположником данной теории считается П. Дэвид [3], который на примере того, как был сформирован стандарт клавиатуры QWERTY, демонстрирует, как

¹ В отечественной литературе принято использовать два перевода «зависимость от предшествующего развития» или «эффект колеи».

неэффективный стандарт ввиду случайных обстоятельств в процессе выбора занимает доминирующее положение на рынке. В дальнейшем последователями П. Дэвида было произведено множество исследований QWRTY-эффектов в различных технических отраслях, среди наиболее известных можно отметить стандарты телевидения, стандарты видеозаписи, стандарт железнодорожной колеи и др. [12, с. 8–9].

Впоследствии происходит смещение фокуса исследований от рассмотрения технологий к анализу институтов. Подход, предложенный для исследования истории технологических инноваций, адаптируется для исследования институтов.

Так, например, Д. Норт в работе «Институты и экономический рост: историческое видение» [9] проводит сравнительную характеристику институциональных изменений в Англии и Испании в период с XVI по XIX вв. и их последующего влияния на Северную и Латинскую Америку. Д. Норт наглядно показывает, какими последствиями для политического и экономического развития страны оборачивается случайный выбор пути институциональной эволюции. Изначальные различия в институтах с течением времени породили институциональную дивергенцию, которая впоследствии выразилась в уровне экономического развития стран. Поскольку Англия и Испания были крупнейшими судоходными державами, имеющими большое количество колоний, они экспортировали свои институты в колонии, что обусловило их дальнейшее развитие.

В дальнейшем в своих работах Д. Норт продолжает развивать идею о том, что зависимость от предшествующего развития может приводить как к положительным, так и негативным последствиям. Положительным примером может служить институциональная структура США, унаследовавшая политические и экономические институты от британской империи, а негативным¹ — большинство стран Латинской Америки, поскольку их институциональная структура складывалась под влиянием испанской короны. «...Представления, на которых строились институты, насаждаемые испанской короной, привели к двум столетиям нестабильности, хаоса, личного обмена и ограниченных экономических успехов» [11, с. 166].

Наиболее наглядно различия в развитии между странами Северной и Латинской Америки, вызванные изначальным выбором тех или иных институтов, продемонстрированы в работе Д. Аджемоглу и А. Робинсона [1].

В целом исследование, проведенное Д. Аджемоглу и А. Робинсоном, является ретроспективным и носит объясняющий и описательный характер, но, к сожалению, авторы не дают прогнозов, как в дальнейшем будут развиваться государства и что необходимо изменить для их благополучного развития. Однако интересным является предложенное авторами разделение институтов на инклюзивные и экстрактивные. Под инклюзивными институтами подразумеваются такие экономические и политические институты, которые способны обеспечить четкие единые правила и гарантии для всех, иными словами, обеспечивают равенство возможностей. Экстрактивные институты — это те институты, которые позволяют перераспределять ресурсы в пользу главенствующего актора (элит) и направлены на эксплуатацию остальных групп населения.

Таким образом, можно говорить о моментах (точках), в которых, исходя из сложившегося баланса сил, происходит выбор институтов, предопределяющий дальнейшие пути развития. Данные моменты (точки) разные авторы называют по-разному, так, Д. Аджемоглу и А. Робинсон называют их «точками перелома» и отмечают, что «сами по себе точки перелома — это исторический поворотный пункт» [1, с. 570]. Наличие таких переломных моментов явно согласуется с синергетическим подходом, подразумевающим, что в развитии социальных процессов могут возникать моменты

¹ Следует отметить, что Д. Норт как экономист рассматривает институты с точки зрения их эффективности или неэффективности для экономического роста.

выбора (точки бифуркации) из нескольких альтернатив развития [4, с. 11]. Как правило, такой выбор происходит в условиях неопределенности, поэтому могут быть выбраны не самые эффективные институты, впоследствии воспроизводящие себя благодаря эффекту возрастающей отдачи (increasing returns)¹, что будет, в свою очередь, затруднять изменения институтов. Отечественные исследователи С. Кирдина, А. Рубинштейн [6] на основании использования категорий path dependence и возрастающей отдачи провели анализ законодательного сегмента политической сферы, тем самым показав возможности, представляемые теорией path dependence при исследовании политической системы.

О возможности использования path dependence при исследовании политической системы одним из первых заговорил П. Пирсон [18]. При этом П. Пирсон полагает, что на практике path dependence может использоваться как в широкой, так и узкой трактовке. Широкая трактовка предполагает «...причинно-следственную релевантность предыдущих этапов во временной последовательности» [18, р. 252], а узкая трактовка связана с возрастающей отдачей (increasing returns). Для политологических исследований характерно использование более узкой трактовки path dependence.

Как мы видим, существует достаточно обширный спектр исследований, использующих объяснительный потенциал теории path dependence. Если говорить об отечественных исследованиях, основанных на применении path dependence, то в основном преобладают экономические [2; 12; 13 и др.] и социологические [6; 17 и др.] исследования. Среди немногих политологических исследований можно отметить работу В. Я. Гельмана [15, с. 142], исследующего «недостойное правление» и полагающего, что одной из причин поддержки данного феномена являются унаследованные «культурные схемы».

Итак, в современной России наблюдается определенная преемственность институтов, сложившихся на предыдущих этапах развития Российского государства. Наиболее наглядно данную преемственность можно продемонстрировать, используя институциональные матрицы. В отечественной науке институциональные матрицы принято связывать с С. Г. Кирдиной [5], которая начала их исследование в 90-е годы XX в. и разработала теорию институциональных матриц, основываясь на работах К. Поланьи и Д. Норта. С. Г. Кирдина фокусирует свое внимание на понимании «институциональной матрицы как триединой социальной формы» [5, с. 67]. Иначе говоря, «институциональная матрица — это устойчивая, исторически сложившаяся система базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер — экономической, политической и идеологической» [5, с. 67]. Также С. Г. Кирдина разрабатывает X-Y теорию, суть которой заключается в том, что существует два типа институциональных матриц, отличающихся наборами составляющих их базовых институтов. Одна из них, X-матрица, состоит из институтов редистрибутивной экономики, институтов унитарного политического устройства, институтов коммуитарной идеологии и характерна для большинства государств восточной части мира. Другая Y-матрица, состоящая из институтов рыночной экономики, институтов федерализма, институтов индивидуалистской идеологии и, как правило, характерна для западного мира [5, с. 70]. У Д. Норта институциональная

¹ Современные исследования возрастающей отдачи в основном сосредоточены на эффекте экономии на масштабе. Кроме него к факторам возрастающей отдачи относятся: рост образования и качества человеческого капитала; внедрение инноваций; создание поддерживающих институтов и развитие менеджмента; сетевые эффекты (в том числе так называемая «инфра-маржинальная экономика»); path dependence; неделимость факторов производства; пространственные особенности. При этом спектр исследуемых факторов возрастающей отдачи в зарубежных исследованиях существенно шире, чем в отечественных. Например, широко обсуждаемая в зарубежных источниках проблематика организационно-управленческих и политических факторов возрастающей отдачи не отображена в отечественных работах. Более подробно см.: [7].

матрица описывается в виде «комплекса взаимозависимых правил и неформальных ограничений, совокупность которых определяет экономическую деятельность» [10, с. 129]. Таким образом, Д. Норт в понимании природы институциональной матрицы важное место отводит «неформальным ограничениям» и «возрастающей отдаче» [10, с. 129], что определяет взаимосвязь с path dependence. На основании анализа институтов, образующих институциональные матрицы Испании и Англии, Д. Норт приходит к выводу, что в каждом государстве складывается своя особенная институциональная матрица с присущим ей комплексом формальных и неформальных институтов, «...ведущих экономику каждой из двух стран по своему пути, отличному от пути развития другой страны» [10, с. 147]. При этом сложившаяся институциональная матрица накладывает ограничения на выбор акторов, тем самым создавая эффект path dependence и вынуждая их действовать инкрементально [10, с. 23]. Таким образом, в работах С. Г. Кирдиной понимание институциональных матриц получает новое значение, отличное от работ Д. Норта, который акцентировал свое внимание на экономической деятельности.

В Российском государстве под влиянием особых внешних и внутренних факторов сформировалась институциональная матрица, отличающаяся от институциональных матриц других стран. Исследуя данный вопрос, С. Хедлунд определяет характерную для Российского государства институциональную матрицу, как «матрица Московии», с присущей ей централизмом (самодержавие), условностью права собственности, особенным правовым регулированием (служебные обязательства) и принудительной мобилизацией как ответ на окружающие государство опасности [16, с. 179–188]. С. Хедлунд, давая характеристику институциональной матрицы, акцентирует свое внимание на сочетании экономических, политических и идеологических институтов. Если описывать сложившуюся в Российском государстве матрицу терминологией Д. Аджемоглу и А. Робинсона, то данная матрица состоит из явно экстрактивных институтов.

Применим институциональные матрицы для исследования институциональных преобразований в России. Поскольку данные преобразования происходили на протяжении всей истории существования российского государства, для большей наглядности ограничим хронологически рамки исследования с 90-х годов XX в. и по настоящее время. Выбор таких хронологических рамок исследования обусловлен двумя обстоятельствами. Во-первых, основные акторы, принимающие участие в институциональных преобразованиях, ориентируются на прошлое и, как отмечает В. Я. Гельман, «...в их рефлексии присутствует относительно недавний по времени горизонт прошлого, так или иначе связанный с опытом одного или двух поколений» [15, с. 142]. Во-вторых, наиболее интенсивно институциональные изменения происходят в периоды кардинальных социальных перемен, к именно таким периодам можно отнести время распада СССР и возникновения новой российской государственности.

Важнейшим моментом в развитии современной России стал период с 1990 по 1993 гг. Именно в этот период произошли изменения, предопределившие дальнейшее развитие страны. На сложившуюся в предыдущие периоды институциональную матрицу (унаследованную от СССР, которая является модифицированной «матрицей Московии») влияли как экзогенные факторы, так и эндогенные. Основным экзогенным фактором был импорт институтов из иной институциональной среды (развитых западных стран). Данное явление отечественный исследователь В. М. Полтерович называет «трансплантацией» [14, с. 24]. К эндогенным факторам можно отнести стратегии, к которым прибегали ведущие акторы в процессе выбора действий в борьбе за ресурсы. При этом на выбор стратегии влияли как ограничения, накладываемые старой институциональной матрицей (что является реализацией на практике path dependence), так и ограничения, вводимые новыми институтами. Среди трансплантированных институтов можно выделить: выборность, федерализм, отличающийся от

формального советского федерализма и строящийся, прежде всего, на принципах децентрализации власти, и институты рыночной экономики. Естественно, что заимствованные институты не соответствовали сложившейся институциональной матрице, унаследованной от СССР. Сложилась ситуация, когда «... привнесенные институты плохо приживались на отечественной почве и либо отторгались российским обществом, либо до неузнаваемости мутировали» [8, с. 409]. Данное обстоятельство порождало множество политико-административных проблем, как пример можно привести проблему финансирования федеральных органов в субъектах федерации, что приводило к фактическому попаданию их под контроль властей субъекта [14, с. 38].

При решении данных проблем, поскольку основные акторы были выходцами из партийной номенклатуры, они ориентировались на использование старых привычных институтов и практик, характерных для институциональной матрицы СССР, которые не соответствовали и противоречили внедряемым новым формальным институтам. Иными словами, происходило столкновение между формальными и неформальными институтами, что приводило к трансплантационным дисфункциям. К таким дисфункциям В. М. Полтерович относит следующие: атрофия и перераспределение института, активизация альтернативных институтов и отторжение, институциональный конфликт, парадокс передачи [14, с. 29–34]. Соответственно, начинают распространяться такие негативные явления, как блат, клиентелизм, коррупция и др.

До 1993 г. акторы в свои стратегии включали возможность отката к прошлому, формальные институты были не стабильны, отсутствовали надежные и эффективные механизмы их соблюдения. Таким образом, изменения происходили как в формальных правилах, так и в неформальных нормах и механизмах их соблюдения, что можно охарактеризовать как кардинальный перелом. После принятия Конституции РФ 1993 г., закрепившей многие институты, в том числе и институт федерализма, можно говорить об окончательной формализации трансплантированных институтов и переходе к эволюционному принципу формирования институтов. Акторы старались придерживаться формальных институтов, по крайней мере, декларировали свою приверженность им, а на неформальном уровне продолжали пользоваться институтами укорененной матрицы. Декларируемая приверженность к новым формальным институтам обуславливалась повсеместным введением института выборов, что в значительной степени повлияло на проводимые институциональные преобразования.

С 2000-х годов начинает проводиться административная реформа, направленная на централизацию государства. В рамках проведенных реформ была выстроена «вертикаль власти», которая «...предполагает формальную и неформальную субординацию нижестоящих этажей управления вышестоящим и многочисленные системы неформального обмена ресурсами между ними» [15, с. 145]. При этом механизмы, подобные используемым в «вертикали власти», активно применяются в общественном секторе экономики [там же]. При этом принципы, на которых основывается функционирование данных механизмов, соответствуют тем характеристикам институциональной матрицы «Московии», которые дал С. Хедлунд. Таким образом, после длительного процесса институциональных преобразований, происходивших в России в 90-е годы (трансплантация новых институтов, противоборство акторов), произошел возврат к институтам укорененной матрицы, в чем и проявляется наследие прошлого (path dependence).

Таким образом, на процесс институциональных преобразований прежде всего влияет институциональная матрица, присущая государству (т.е. набор базовых институтов, выбранный акторами в прошлом), а также конфигурация акторов и выбираемые ими стратегии. Как правило, акторы являются рентоориентированными, и выбор стратегии зависит от тех институтов и практик, которые они применяют в борьбе за ресурсы. Акторов условно можно разделить на две группы: а) действующие внутри государственного аппарата; б) действующие извне (различные бизнес-структуры), в некоторых случаях связанные клиентельными и иными связями

с акторами, находящимися внутри государственного аппарата. Разнообразие выбираемых акторами институтов может определяться следующими факторами:

- 1) трансплантация¹ институтов, при этом они могут изменяться под влиянием акторов;
- 2) столкновение и последующее преобразование формальных и неформальных институтов;
- 3) создание собственных институтов. Порой недостаточно эффективных. Данное обстоятельство может быть связано как рациональной ограниченностью акторов, их внедряющих, так и с их оппортунистическим поведением.

Литература

1. Аджемоглу Д., Робинсон А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты / пер. с англ. Д. Литвинова, П. Миронова, С. Сановича. М. : АСТ, 2017.
2. Аузан А. Развитие и «колея» зависимости // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 10. С. 96–105.
3. Дэвид П. Клио и экономическая теория QWERTY // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и как процесса. М. : Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2007.
4. Казакова В. И. Концептуализация «path dependence» в современной социальной науке // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Сер. «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2012. № 3. С. 6–16.
5. Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. Изд. 3-е, перераб., расшир. и илл. М.; СПб. : Нестор-История, 2014.
6. Кирдина С. Г., Рубинштейн А. А. Эффекты path dependence и экономики от масштаба в российском законодательстве // Вопросы экономики. 2014. № 11. С. 58–82.
7. Кирдина С. Г., Шатлова Т. Ю. Возрастающая отдача в современной экономической литературе: контент-анализ российских и зарубежных источников // Феномен возрастающей отдачи в экономике и политике : сборник научных трудов / под ред. С. Г. Кирдиной, В. И. Маевского. СПб. : Алетей, 2014.
8. Клейнер Г. Б. Институциональные изменения: проектирование, селекция или протезирование? // Постсоветский институционализм / под ред. Р. М. Нуреева, В. В. Дементьева. Донецк, 2005.
9. Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение [Электронный ресурс]. THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 2. URL: https://igiti.hse.ru/data/149/314/1234/2_1_4North.pdf (дата обращения: 13.03.2019).
10. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. М. : Начала, 1997.
11. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / М.: Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2010.
12. Нуреев Р. М. Россия после кризиса — эффект колеи // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2010. Т. 2. № 2. С. 7–26.
13. Нуреев Р. М., Латов Ю. В. Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград : Издательство Российского государственного университета им. И. Канта, 2010.
14. Полтерович В. М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3. С. 24–50.
15. Травин Д., Гельман В., Заостровцев А. Российский путь: Идеи, Интересы, Институты, Иллюзии. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017.
16. Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная Наука. Способы объяснения системного провала / пер. с англ. М. : Изд. Дом высшей школы экономики, 2015.
17. Шкаратан О. И. Социальная система, обращенная в прошлое (Ч. 1) // Социологический журнал. 2015. Т. 21. № 3. С. 88–104.

¹ Отметим, что на сам процесс трансплантации институтов влияют три группы факторов, выделенных В. М. Полтеровичем: социокультурные характеристики; начальные институциональные и макроэкономические условия; выбор технологии трансплантации [14, с. 46].

18. Pierson P. Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics // American Political Science Review. 2000. Vol. 94. N 2. P. 251–267.

Об авторе:

Матвеев Александр Андреевич, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; matveevalexandr2009@yandex.ru

References

1. Acemoglu D., Robinson A. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty / Daron Acemoglu, James A. Robinson; translation from English D. Litvinov, P. Mironov, S. Sanovich. M.: AST, 2017. (In rus)
2. Auzan A. Development and “track” of dependence // World economy and international relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2017. V. 61. No. 10. P. 96–105. (In rus)
3. David P.A. Clio and Economics of QWERTY // Sources: from experience of studying of economy as structures and as process. M.: Publishing house of HSE, 2007. (In rus)
4. Kazakova V.I. Conceptualization of “path dependence” in modern social science // NSTU of R.E. Alekseev Bulletin. Series “Management in social systems. Communicative technologies” [Vestnik NGTU im. R. E. Alekseeva. Ser. «Upravlenie v sotsial’nykh sistemakh. Kommunikativnye tekhnologii»]. 2012. No. 3. P. 6–16. (In rus)
5. Kirdina S.G. Institutional matrixes and development of Russia: introduction to the H-Y-theory. 3rd edition. M.; SPb.: Nestor History, 2014. (In rus)
6. Kirdina S.G., Rubenstein A.A. Effects of path dependence and savings of scale in the Russian lawmaking // Economy Questions [Voprosy ekonomiki]. 2014. No. 11. P. 58–82. (In rus)
7. Kirdina S.G., Shatlova T.Yu. The increasing return in modern economic literature: the content analysis of the Russian and foreign sources // Phenomenon of the increasing return in economy and policy: the collection of scientific works / under the editorship of: S.G. Kirdina, V.I. Maevsky. SPb.: Aletheia, 2014. (In rus)
8. Kleyner G.B. Institutional changes: design, selection or prosthetics? // Post-Soviet institutionalism / under the editorship of R.M. Nureev, V.V. Dementiev. Donetsk, 2005. (In rus)
9. North D. Institutions and economic growth: An historical introduction [Electronic resource] // THESIS. 1993. V. 1. Issue 2. URL: https://igiti.hse.ru/data/149/314/1234/2_1_4North.pdf (date of the address: 13.03.2019). (In rus)
10. North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance / D. North. M.: Beginnings, 1997. (In rus)
11. North D. Understanding of process of economic changes / M.: Publishing house of HSE, 2010. (In rus)
12. Nureev R.M. Russia after crisis is effect of a track // Journal of Institutional Studies. 2010. V. 2. No. 2. P. 7–26. (In rus)
13. Nureev R.M., Latov Yu.V. Russia and Europe: effect of a track (experience of the institutional analysis of history of economic development). Kaliningrad: Publishing house of the Russian State University of I. Kant, 2010. (In rus)
14. Polterovich V.M. Transplantation of economic institutes // Economic science of modern Russia [Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii]. 2001. No. 3. P. 24–50. (In rus)
15. Travin D., Gelman V., Zaostrovtshev A. Russian way: Ideas, Interests, Institutes, Illusions. SPb.: Publishing house of the European university in St. Petersburg, 2017. (In rus)
16. Hedlund S. Invisible hands, Russian experience and social science. Approaches to Understanding Systemic Failure / translation from English M.: Publishing house of HSE. 2015/ (In rus)
17. Shkaratan O.I. The social system turned into the past (Part 1) // Sociological Journal [Sotsiologicheskii zhurnal]. 2015. V. 21. No. 3. P. 88–104. (In rus)
18. Pierson P. Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics // American Political Science Review. 2000. Vol. 94. N 2. P. 251–267.

About the author:

Alexandr A. Matveev, Associate Professor of the Chair of State and Municipal Management of North-West Institute of management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Sciences; matveevalexandr2009@yandex.ru